

Моим учителям, наставникам,
друзьям и близким посвящается

ВВЕДЕНИЕ

Более двух тысяч лет существовала Великая Римская империя — уникальный, беспрецедентный феномен человеческой цивилизации, держава, раскинувшая свои границы от Шотландских гор до пустыни Палестины и от северных рек Германии до саванн Северной Африки. Никогда ранее и позднее Средиземное море не называли «римской лужей», и оно не было средством *внутригосударственного* сообщения. Более тысячи лет Римская империя существовала в виде православной державы, ставшей прародительницей христианской цивилизации, империи, в лоне которой родилась и явила себя миру Кафолическая Церковь.

Никогда еще имперская форма существования человечества не торжествовала столь ярко и наглядно, как в этот период тысячелетней сродненности Церкви и государства. Никогда ранее христианские начала не господствовали в обществе с такой силой, как в период с 313 по 1453 г. Исследователи справедливо отмечают, что Церковь вошла в состав государства как политически организованного общества, чтобы наложить на государство закон Евангелия. Именно здесь родилась знаменитая византийская «симфония властей», ставшая политическим кодом христианской цивилизации почти на две тысячи лет.

Впоследствии, спустя четыре века после гибели этого удивительного по красоте государства, христианский период ее жизни ученые-историки произвольно назовут «византийским», а Римскую державу — «Византийской империей». Хотя современники тех древних событий по-старинному называли Византием один лишь город Константино-

поль, а не всю державу, этот термин в последнее столетие прижился в расширительном виде, и мы не будем отступать от этой традиции, отдавая отчет в условности наименования. Неслучайно в тексте настоящей книги слова «римский» и «византийский», «Римское государство» и «Византийская империя» употребляются в равных значениях. А с учетом довлеющего значения греческого элемента в Византии — в первую очередь, в культуре и языке, византийцев часто называли «греками», особенно на Западе. Сами себя до последнего дня существования своего государства византийцы называли «ромеями» — греческий перифраз термина «римлянин». Поэтому и в нашей книге данные термины используются как идентичные.

Конечно же, процесс воцерковления Византийской империи не обошелся без болезненных явлений и был далеко не простым. Убить в себе «ветхого человека», вернуться к Христу — задача чрезвычайно сложная и для отдельного человека, что же говорить о государстве, вошедшем в себя сотни народов и наций со своими традициями, этикой, историей, нравами и привычками?! И первым помощником Кафолической Церкви стали те, кто к началу величественного исторического процесса христианизации человечества сосредоточили в своих руках всю полноту державной власти, кто в силу исторических традиций римского общества был и законодателем, и высшей администрацией, и верховным судьей, и главнокомандующим, и блюстителем общественных нравов — Римские (Византийские) императоры. Лишь им были подвластны все стороны жизни римского общества, лишь они одни могли придать церковным решениям обязательную силу государственного закона и оградить Церковь от разрушающей ее тело ереси.

В истории Византийской державы за тысячу лет ее существования как христианского государства насчитывается 108 императоров и царствующих императриц. Разумеется, это были разные люди — со своими достоинствами и недостатками. Но за исключением, пожалуй, 2—3 лиц (Юлиан Отступник, Фока Тиран, Андроник I Комнин), негативно выделяющихся из общей череды царей, все остальные государи были достойны своего высокого предназначения.

Императоры из семейства св. Константина Великого создавали *видимую* Кафолическую Церковь, которая до них представляла собой лишь совокупность множества различных христианских общин, объединенных сакрально, но не слитых еще воедино. Династия св. Юстианина Великого предприняла решительные и удачные попытки восстановить Римскую империю в прежних границах, видя в том гарантии территориальной целостности Церкви. Императоры Ираклийской, Исаврийской, Македонской династий и блистательные Комнины по праву считаются

спасителями не только Византии, но и всей христианской цивилизации. И так можно говорить практически обо всех царственных династиях.

Трудно, почти невозможно в нескольких строках описать ту роль, которую играли Византийские императоры в этом удивительном государстве, да и во всей христианской цивилизации в целом. Надо сказать, что их статус не оставался неизменно-статичным в течение тысячелетия существования Римской империи и с течением веков все более проникался христианскими идеями и содержанием. Император считался по праву главой управления Кафолической Церкви (как иногда говорят, главой «церковного правительства»), главнокомандующим, верховным блюстителем нравственности, викарием Христа на земле, оплотом и основой Церкви и всего Христоименитого народа. С сакрализацией статуса императора связаны и те наименования, которыми наделили его сан. В разное время его именовали «император», затем — «царь», «василевс», нередко эти термины использовали совокупно в титулатуре или как синонимы. Не будем отходить от этой древней традиции и мы.

Царственным династиям этой чудесной, беспрецедентной Империи была посвящена шеститомная «История Византийских императоров», написанная автором этих строк и претерпевшая за последние 7 лет три издания. Сам по себе этот факт, а также то обстоятельство, что книга разошлась общим тиражом более 23 тысяч экземпляров, свидетельствует, очевидно, не только о ее недостатках, от которых, увы, не свободно ни одно человеческое творение. Тем не менее в силу некоторых причин дальнейших переизданий этого труда не предвидится. По крайней мере, в ближайшее время.

В качестве некоторой альтернативы читателю предлагается отдельная книга, касающаяся совершенно определенной группы царственных лиц — прославленных Кафолической Церковью императоров и императриц, занимающих, безусловно, особое место в общей череде Византийских самодержцев. Разумеется, они не были безгрешными людьми, и подчас их поступки отягощались страстями и соблазнами, от которых не свободен ни один человек. И нередко блистательные деяния омрачались поступками, которые позднее оплакивались этими же владыками мира. А славославия Кафолической Церкви в их адрес иногда сменялись уроками жесткой укоризны и публичного покаяния.

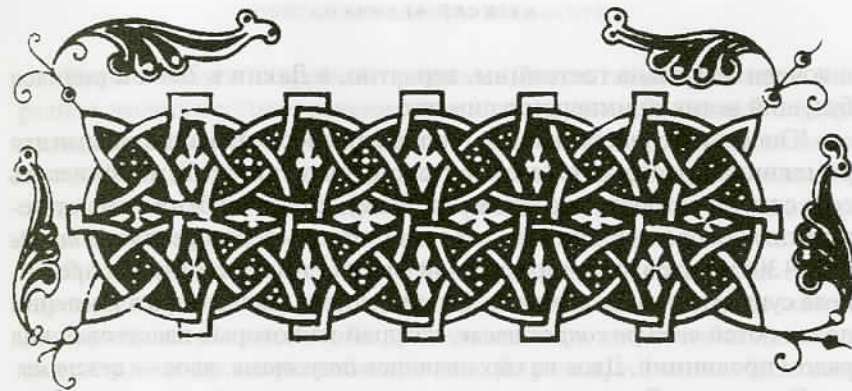
Их подвиги различны: кто-то стал спасителем Церкви в эпоху Вселенских Соборов, другие слыли аскетами и благочестивыми людьми, мы знаем императоров, утверждавших Символ Веры и создававших каноническое право. Подвиг их бесценен, труды — не подлежат забвению. И если мы хотим получить представление о «византийской симфонии», то, конечно, нам нужно обратиться к светлым ликам этих молитвен-

ников, Христовых деятелей, ныне заслуживших славу дерзновенно предстоять у Престола Божия. Их жизни, трудам и посвящена наша книга. Она, конечно же, написана далеко не в жанре «Житий святых» и ориентируется главным образом на конкретные исторические факты, хотя христианское Предание зачастую выступает также в этой роли, что учитывалось автором этих строк.

Кто пожил на свете, знает, что человеческая жизнь — пусть даже святого императора, далеко не столь прямолинейно-последовательна в подвиге веры, как нам это иногда преподносят. Помимо человеческих слабостей и пороков, соблазнов и ошибок, от которых не свободен ни один из нас, существуют еще и исторические условия существования и его самого, и всего общества в целом. Конечно, человек не является детерминированным винтиком времени и места, но и назвать его самоличным вершителем собственной судьбы было бы слишком легкомысленно. Не приукрашивая героев нашего повествования, но нисколько и не демонизируя их, автор этих строк хотел показать святых императоров именно такими, какими они были на самом деле. С учетом, конечно, исторического контекста их жизни. Только в этом случае, полагаем мы, читатель сам по достоинству, содержательно и полнокровно сможет оценить их подвиги, деяния, да и личности святых царей.

Конечно, было бы нелепо начинать настоящее произведение «с чистого листа» и не использовать тот материал, который был наработан ранее при подготовке к изданию «Истории Византийских императоров». И все же для удобства чтения эта книга была отредактирована и лишена ссылок, невольно отвлекающих внимание читателя от повествования. В случае необходимости узнать первоисточник, из которого заимствованы те или иные оценки и цитаты, читатель может использовать уже упоминавшийся шеститомник.

В завершение, уже вполне традиционно, автор этих строк хотел бы поблагодарить всех тех, кто прямо или косвенно способствовал появлению данного труда на свет. В первую очередь мою жену Наталью, издателя Дмитриева С.Н., протоиерея Валентина Асмуса, Левушкина А.И., и некоторых иных лиц, чье скромное, но теплое участие не осталось незамеченным мной.

Глава 1. ИМПЕРАТОР СЯТОЙ РАВНОАПОСТОЛЬНЫЙ КОНСТАНТИН ВЕЛИКИЙ (306—337)

§1. На пути к единоличной власти

Свое повествование мы начнем с описания жизни и деяний человека, с чьим именем отныне и навечно связан решительный переворот в истории человечества, деятеля, отворившего Церкви Христовой ворота в мир, — святого равноапостольного Константина Великого. Безусловно, он относится к тому типу людей, которые выступили *орудием Провидения*, соединив для достижения поставленной Богом цели свою волю и лучшие качества характера. Исследователю, повествующему о св. Константине, повезло: далеко не каждый исторический персонаж, даже из числа великих деятелей человечества, способен похвастаться такой широкой библиографией о себе, как святой и равноапостольный император. «Слава Константина, — справедливо отмечал один историк, — придала мельчайшим подробностям касательно его жизни и образа действий особый интерес в глазах потомства».

Впрочем, происхождением своим св. Константин Великий едва ли мог похвастаться. Да, его отцом являлся известный в Римской империи военачальник *Констанций Хлор* (305—306). Зато матерью была простая конкубинка (наложница, содержанка) *св. Елена*, о которой мы будем говорить в другом месте. От этого союза простого римского офицера

и дочери владельца гостиницы, вероятно, в Дакии в 288 г. и родился будущий великий император римлян.

Юность и молодость нашего героя были вполне традиционными для римлянина-аристократа (его отец к тому времени уже сумел снискать себе славу и авторитет на воинской ниве), хотя и не без весьма существенных особенностей. Как известно, при императоре *Диоклетиане* (284—305) система государственной власти Римской империи претерпела существенное изменение. Вместо одного императора в Империи появляются *четыре соправителя*, каждый из которых властвовал над рядом провинций. Двое из них являлись *августами*, двое — *цезарями*.

По доктрине Диоклетиана, через некоторое время августы должны были выйти в добровольную отставку, а их место занять цезари. В этом контексте цезари являлись «подмастерьями» августов: они должны были учиться и набираться опыта у своих старших товарищей, преемниками которых собирались стать спустя некоторое время. Принцип преемственности власти, установленный Диоклетианом, подразумевал новый набор цезарей после рокировки соправителей и т.д. Таким образом, по мысли Диоклетиана, исключалась борьба за власть, а управление провинциями приняло необходимые оперативные черты, чего явно не хватало ранее при излишней централизации. Для облегчения управления государством Диоклетиан разделил всю Империю на 4 *префектуры*, 12 *диоцезов* и 101 *провинцию*.

Удивительно, но тетрархия не предполагала разделения верховной власти; она оставалась единой и неделимой, просто почил на главах сразу четырех своих избранников, один из которых, сам Диоклетиан, являлся главным августом, или *императором*. Первоначально августами стали непосредственно Диоклетиан и *Максимиан* (284—305), а отец св. Константина *Констанций* и *Галерий* (305—311) — цезарями. После 305 г., то есть после добровольной отставки больного Диоклетиана, *Констанций* и *Галерий* стали августами, а *Флавий Север* и *Максимиин Даза* (305—313) — цезарями. По договоренности *Констанцию* досталась в управление северо-западная часть государства — Галлия, Британия и Испания. Этот принцип формирования верховной власти сыграет решающую роль в жизни св. Константина и предопределит характер его деятельности на целые десятилетия.

Вторая особенность напрямую связана с отношением к христианству в семье св. Константина. Его отец явно отличался от своих товарищей редкой религиозной терпимостью в целом и к христианам в частности. Есть все основания полагать, что и вторая жена *Констанция* — *Феодора*, и его дочь от второго брака Анастасия также были христианками. Находясь долгое время при дворе василевса, св. Константин не мог не ознакомиться с последователями этого учения.

Но вместе с тем на времена правления Диоклетиана приходится очередное, весьма жестокое гонение на христиан, инициированное первым императором по подсказке *Галерия*. Исключение составлял, по словам биографа св. Константина *Великого Евсевия Памфила*, епископа Кесарийского, только отец будущего первого христианского императора Рима *Констанций*.

В то время, когда его соправители «нападали на церкви Божьи и разрушали их сверху донизу, а дома молитвы истребляли до самого основания, он сохранил свои руки чистыми от такого губительного нечестия и никогда не уподоблялся им». Впрочем, и помимо *Констанция* у христиан было множество тайных и явных защитников среди окружения императора, в армии и во влиятельных аристократических кругах. Удивительно, но даже в разгар гонений сам Диоклетиан вынужден был терпеть у себя в семье двух христианок — жену *Валерию* и дочь *Прииску*. Но, конечно, они не обладали такими административными полномочиями, как *Констанций*.

Историк *Евсевий Памфил* (IV в.) нигде не упоминает о крещении *Констанция Хлора*, что, впрочем, еще ничего не означает, поскольку публичная огласка этого факта, если он действительно был, могла бы иметь для него катастрофические последствия. Как минимум его карьера была бы окончена, если не сказать более. Все же, по-видимому, внешне он оставался верным государственному языческому культу, хотя и оказывал тайное содействие гонимым христианам. А то снисхождение, которое он неоднократно демонстрировал к ним, связано с мягким и добрым характером западного правителя и его религиозной терпимостью. Как мы увидим, св. Константин в полной мере заимствовал у отца лучшие черты характера, в том числе и уважение к свободе совести человека.

Тетрархия закладывалась Диоклетианом как плод рациональной и прагматичной римской мысли — из всех возможных вариантов он выбрал тот, который казался ему наиболее эффективным. И эта система вовсе не предполагала в качестве своего обязательного элемента дружбы между цезарями и августами. Каждый из них стремился к некоторым дополнительным гарантиям для себя, в связи с чем еще совсем молодым человеком св. Константин стал в буквальном смысле слова *заложником* у Диоклетиана, а потом у его преемника, со временем почти получившего абсолютную власть в свои руки, — *Галерия*, наиболее яростного гонителя христиан.

Будучи высоким красивым юношей, св. Константинуже тогда производил впечатление царственной особы, отличался физической силой и явно превосходил своих сверстников разумом и способностями.

ми к наукам. Сверстники опасались конфликтовать с ним. Да что там сверстники — юного св. Константина боялся сам Галерий, которому было предсказание, будто сын Констанция уничтожит его могущество. Юноша отличался отменной храбростью, вместе с Диоклетианом он предпринял ряд военных походов, где блестяще себя проявил как воин и командир. За это он принял участие в триумфе императора, находясь, что называется, в «близком круге» царя. За войны в Египте и Персии Диоклетиан даже возвысил св. Константина до почетного звания трибуна первого разряда.

Между тем с уходом в отставку больного Диоклетиана, на которой настоял Галерий, используя какие-то свои, беспронятные аргументы, борьба за власть приняла еще более рельефные очертания. Опасаясь — и не без оснований — козней со стороны недругов отца, св. Константин воспользовался удобным случаем и вернулся к родителю, находившемуся уже пред воротами Небесного Царства.

История этого бегства не лишена интереса. Галерий, опасавшийся в своей борьбе за единовластие в Риме единственно августа Констанция, совершенно не собирался давать свободу его сыну. Но Констанций направил ему письмо, в котором умолял разрешить повидаться с сыном перед смертью, которая якобы уже стояла за его плечами. Галерий внешне согласился — все-таки формально они были равны в статусе и не выносили свои разногласия на людской суд — и сделал предварительные распоряжения, надеясь, что утром найдет необходимые причины, якобы препятствующие отъезду св. Константина. Но последний использовал этот практически единственный шанс и, начав свой путь на Босфоре, пересек пролив, добрался до Дуная, прошел через Альпийские перевалы и закончил свое путешествие на равнинах Шампани, где располагалась ставка Констанция. Констанций с сыном благополучно переплыли Ла-Манш и обосновались в Британии. Галерий был в ярости, но поделать уже ничего не мог.

Святой Константин прибыл к отцу вовремя: спустя год тот скончался, и после похорон Констанция войско провозгласило св. Константина августом. Юный правитель Запада направил уведомление об этом Галерию, обосновав в письме свое преемство покойному отцу. Галерий физически не мог воспрепятствовать этому факту и, кроме того, видимо, надеялся, что варварские волны, систематически захлестывавшие римские территории, сами собой устранят опасного конкурента. Галерий полагал также, что даже в самом оптимистичном для св. Константина варианте соперник не сможет сохранить безопасность своих провинций. Как следствие, его авторитет окажется навсегда подорванным. Но, столкнувшись один на один с трудностями, св. Константин

проявил себя отличным воином и талантливым полководцем. Он разбил германцев, затопивших своими войсками Галлию, и обратил свой взор на дикие британские народы, которые также быстро подчинил себе, или, вернее, вернул под юрисдикцию Рима.

Надо сказать, что политическая ситуация в государстве за этот короткий промежуток времени существенно изменилась. В октябре 306 г. в Риме поднялось восстание, и Вечный город отверг власть Галерия, недовольный длительным отсутствием августа в древней столице государства. По-видимому, не последнюю роль сыграл сенат, крайне недовольный уменьшением своей власти при Диоклетиане. В результате Галерий потерял Италию. На первое место в числе соправителей Империи внезапно вышел *Макценций* (305—312), сын Максимиана, формально находившегося в отставке вместе с Диоклетианом, а на деле тайно помогавшего сыну и имевшего свои планы на будущее.

Галерий и Север попытались воспрепятствовать излишне честолюбивому конкуренту, но их походы завершились катастрофой. Вначале, по просьбе Галерия, поход на Рим начал Север, но его войско было разбито, а сам он взят в плен Максимианом уже под Равенной. Вскоре ему был вынесен смертный приговор, и Север, найдя утешение в легкой смерти, вскрыл себе вены. Тогда в дело вступил сам Галерий. Но набранная им в Иллирии огромная армия дошла лишь до города Нарни, что находился в 60 км от Рима. Там Галерий осознал безуспешность своего предприятия и затеял мирные переговоры, не увенчавшиеся успехом. Не без труда Галерий вернулся в столицу своих владений.

Все же Максимиан и Макценций чувствовали необходимость в надежном союзнике, которым, естественно, мог быть только св. Константин. Но и Западный август не мог отказаться от этого предложения — в противном случае он был бы вынужден в одиночку воевать с Галерием. Политический союз скрепился в 307 г. браком св. Константина с Фаустой, дочерью Максимиана, что через много лет принесет свои трагические плоды, которых мы коснемся несколько позже. Но тогда это соглашение, заключенное в Карнунте, закрепило политическую расстановку сил.

Увы, оно, как и многие другие политические договоры, существовало недолго. Став главой Рима, Макценций совершенно не собирался считаться с властью отца, который в один прекрасный день обнаружил, что является едва ли не номинальной фигурой на фоне собственного сына. Трибунал, в который он обратился, отдал предпочтение Макценцию. Спасаясь бегством, отец был вынужден отправиться в Иллирию, к Галерию, который, конечно, его не принял. Убегая уже от Галерия, который пожелал умертвить отца своего врага, Максимиан спешно

перевалился в Галлию, под защиту св. Константина, который вместе с Фаустой радушно принял его. Таким образом, Макценций фактически стал узурпатором, отнявшим власть у собственного отца, а также причиной прекращения действия ранее заключенного четырехстороннего соглашения.

Легко принять славословия историков в адрес св. Константина за обычный прием антитезы при описании его достоинства на фоне многочисленных пороков врагов. Но в данном случае объективно Макценций олицетворял все негативное, что мог придумать даже выдавший виды Рим. В то время как Галлия под правлением св. Константина наслаждалась спокойствием и благоденствовала, Италия и Африка страдали под властью Макценция. Писатели единогласно утверждают, что новый правитель Рима был жесток, жаден и развратен.

Например, подавив незначительные волнения в Африке, инициированных губернатором этой провинции с немногочисленной группой соратников, Макценций обрушил свой гнев целиком на всю область, опустошенную огнем и мечом его солдат. Многочисленная армия наущников и шпионов без устали «открывала» новые связи разоблаченных мнимых заговорщиков, вследствие чего гибли невинные, но очень обеспеченные люди, имущество которых конфисковали в пользу казны. В самом Риме Макценций совершенно утратил стыд и открыто преследовал симпатичных женщин, в том числе жен и дочерей сенаторов. Как и полагается в таких случаях, отказы в домогательствах Макценцием не принимались. Армия не отставала от своего повелителя, а он втайне потворствовал ее грабегам и насилиям. Наконец, Макценций заявил, что в действительности только он один является императором Рима, а остальные правители — не более чем его временные наместники в провинциях. Война становилась неизбежной.

§2. Лаборум и святая война

К сожалению, и внутри семьи самого св. Константина было не все спокойно, а одно печальное событие ускорило начало военных действий, родив формальный, но столь желанный для Макценция предлог для объявления войны. Старый соправитель и товарищ Диоклетиана не отличался большим благородством и шепетильностью — черты характера, вполне унаследованные его детьми Фаустой и Макценцием. В 310 г. Максимиан организовал неудавшийся заговор против св. Константина, целью которого являлось физическое устранение того от власти — проще говоря, убийство. Воспользовавшись временным отсутствием западного

августа, он распространил слухи о его гибели и без затей положил свою руку на царскую казну. Конечно, св. Константин быстро восстановил положение дел, захватив в плен незадачливых заговорщиков и предав их суду. Приговор был скор и справедлив, но до публичной казни не дошло. С тайного ведома св. Константина Максимиан повесился.

Но для Макценция это была большая удача. Разыграв сыновью горе, он объявил войну св. Константину. Однако тот не собирался отсиживаться в пассивной обороне и решил опередить своего соперника, перенести театр военных действий в Италию. Накануне военных действий, хотя и без некоторых оговорок, образовались следующие коалиции: св. Константин и Лициний — преемник Севера, с одной стороны, Макценций и Максимиан Даза — с другой.

Как пишет историк, подготавливаясь в 312 г. к походу, св. Константин серьезно задумался о том, у какого бога искать покровительства, из чего можно сделать два важных вывода. Во-первых, что сам молодой август был тогда еще равнодушен к учению Христа, и если и не организовал гонения на христиан по примеру других цезарей, то, скорее, по природной своей мягкости и благородству, чем по религиозному убеждению. И во-вторых, что языческий культ уже не устраивал св. Константина. Очевидно, по складу своего характера это был не только рассудительный человек (обыкновенно люди не склонны размышлять об основах традиционного для их семьи и общества вероисповедания), но и человек духовно богатый, чья душа искренне стремилась к познанию Божества. В целом это был далеко не «средний» человек, и уж во всяком случае, человек искренних убеждений.

Сегодняшнему секуляризированному сознанию, воспитанному на скудных строках учебных пособий, невозможно представить себе во всей полноте картину личного воцерковления человека, тем более когда такое воцерковление приходилось на языческие времена императоров-гонителей христианской веры. Казалось бы, до нас дошли лишь слова, поведавшие о том, что-де перед решающей битвой с Макценцием у стен Рима или даже ранее (по Евсевию Памфилу) св. Константин узрел во сне Божье предзнаменование, после чего повелел изготовить специальное знамя — *лаборум*, а изображение креста нанести на щиты воинов. А после победы, убедившись во всемогуществе Бога, сделал все зависящее от него для прекращения гонений и воцерковления всей Римской империи. Однако за внешними следами этих великих в действительности событий, перевернувших ход человеческой истории, остались внутренние размышления, соблазны, выбор пути к истинному Богу.

Сверхсобытие — христианизация Римской империи, величайший дар Божий людям не мог не обойтись без аналогичных по своей силе

и напряжению усилий Его врага по предотвращению крайне нежелательного для него результата. Конечно, св. Константин снискал и величайшую милость, через которую приобрел силы для этого исторического во всех отношениях решения, но кто напишет сейчас о тех соблазнах, которые он должен был преодолеть в своем сердце на пути к нему? Кто способен передать ту гамму чувств и силу воли, чистоту души и благородство помыслов человека, откликнувшегося на стук Бога в его сердце?

Это личное решение непросто даже для рядовых лиц, вошедших во врата церковной ограды и впервые приступивших к Святым Дарам. Насколько же труднее оно далось царственному мужу, для которого верный выбор означал не только личное утверждение в праведной или неправедной вере, но напрямую был связан с судьбой самого Римского государства. Ведь, как известно, античное сознание не отделяло благосостояние своего отечества (равно как и собственное) от приверженности истинному или ошибочному культу. Попытаемся раскрыть внутреннее состояние человека, положившего на чашу собственного выбора не только собственную судьбу, но и всю историю Рима. Представим себе императора, который был убежден в том, что с его именем, в случае ошибки, потомки — если таковые вообще останутся — будут связывать самые горькие страницы существования Римской империи. Не царь-освободитель Рима от тирана Маккенция, а неудачливый молодой и самоуверенный наглец, опровергнувший все отеческие традиции и верования, ниспровергатель государственных устоев и виновник гибели государства — такие оценки снискал бы он в этом случае со стороны соотечественников, замавав свой род и фамилию на вечные времена. А печальные примеры Севера и Галерия, предавших себя в руки языческих богов, но оттого не снискавших славы на поле брани, были очень свежи и не могли не озадачить св. Константина.

С другой стороны, воспоминания детства и отрочества, проведенных вблизи христиан, сыграли свою положительную роль, хотя об этих факторах, очевидно повлиявших на св. Константина, историки не повествуют. Впрочем, этот вывод легко напрашивается на ум, исходя из контекста предыдущих событий из жизни западного августа.

О долгих размышлениях молодого василевса недвусмысленно повествует Евсевий, который долгие годы состоял при особе императора и писал биографию царя буквально «с оригинала». «При решении сего вопроса (то есть к какому богу обращаться с мольбами о ниспослании успеха его начинаниям. — А.В.) ему пришло на мысль, что немалое число прежних державных лиц, возложив свою надежду на многих богов и служа им жертвами и дарами, прежде всего, бывали обманываемыми

льстивыми оракулами, обольщались благоприятными предсказаниями и оканчивали свои дела неблагоприятно. Только отец его шел путем, тому противным. Видя их заблуждения и во всю свою жизнь чтя единого верховного Бога всяческих, он находил в Нем спасителя своего царства, хранителя его и руководителя ко всякому благу». Возможно, Евсевий немного преувеличивает, говоря, будто св. Константин «всю жизнь» чтит Христа. Правильнее сказать, что *впоследствии* служение Христу станет для него смыслом жизни. Но перед войной в Италии царь еще не был христианином.

Придя к указанному выше умозрительному — пока еще — выводу, св. Константин удостоился, по его собственным словам, Божьего знамения в виде креста с надписью «Сим побеждай!». Как следует из описания Евсевия, по-видимому, василевс не придавал этому большого значения. Но ночью ему явился Сам Христос, повелевший сшить знамя, подобное виденному на небе, и употреблять его для защиты от врагов.

Это был решительный перелом в сознании молодого царя. Как цельная натура, он сделал окончательный для себя выбор. История христианской Церкви получила первого, но очень деятельного своего защитника и сподвижника в лице представителя верховной власти Римской империи. Василевс не ограничился формальным следованием христианству, когда человек «на всякий случай» использует священные символы в качестве некоего тотема, должного наряду с языческими богами оберегать его — примеры такого религиозного «плюрализма» были вполне свойственны прежним римским императорам.

Святой Константин отдал свое сердце Христу сразу и целиком. С похвальной ревностью василевс принялся познавать первоосновы христианства. Перед походом он не просто предложил служить при себе иереям-христианам, но и сам начал изучать Священное Писание. После этого св. Константин считал подготовку к походу практически завершенной в духовном отношении.

Молодой христианский правитель не ошибся в своих надеждах. Богатства благодати, щедро изливаемые по силе веры на него Богом, компенсировали ту разницу в силах, которая объективно должна была предопределить печальные для св. Константина результаты компании. В реальной войне решает не только дух войска, но и стратегические, объективные факторы, включая, конечно, численность и вооружение армии. Однако Господь, давший в руки св. Константина судьбу христианской Церкви, явил множество знамений, должных успокоить и ободрить царя, вселить в него уверенность в задуманных начинаниях.

Как повествуют исследователи, соотношение сил было явно не в пользу будущего единовластного христианского императора Рима.